

МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ: ИНСТРУМЕНТ СОКРАЩЕНИЯ ИЛИ ПОИСК ТОЧЕК РОСТА?

ПРОХОРОВ Сергей Григорьевич – канд. техн. наук, проф. кафедры приборостроения, Казанский национальный исследовательский университет им. А.Н. Туполева-КАИ. E-mail: psgr@mail.ru

СВИРИНА Анна Андреевна – д-р экон. наук, зав. кафедрой экономики и управления, Казанский национальный исследовательский университет им. А.Н. Туполева-КАИ. E-mail: anna_svirina@list.ru

ЧЕХОНАДСКИХ Алексей Иванович – канд. техн. наук, зав. кафедрой приборостроения, Казанский национальный исследовательский университет им. А.Н. Туполева-КАИ. E-mail: aleksey-che@mail.ru

***Аннотация.** Проведен анализ мониторинга эффективности деятельности вузов с позиций оценки его целевой ориентации. Показано, что результаты мониторинга могут быть эффективно использованы для выявления точек роста в высшем образовании, а не только в качестве инструмента оптимизации системы образования.*

***Ключевые слова:** качество высшего образования, мониторинг эффективности вузов, результативность деятельности, развитие вуза*

***Для цитирования:** Прохоров С.Г., Свирина А.А., Чехонадских А.И. Мониторинг эффективности: инструмент сокращения или поиск точек роста? // Высшее образование в России. 2016. № 1 (197). С. 63–68.*

О мониторинге эффективности вузов мы [1], как и другие авторы¹, писали уже много раз, но в этом году мониторингу исполняется три года, и данных о его результатах достаточно, чтобы подвести промежуточные итоги. При этом важно выяснить, чем, исходя из сложившейся практики, является мониторинг эффективности – инструментом, позволяющим избавиться от нежелательных элементов на рынке высшего образования, или же механизмом определения точек роста, развитие которых позволит повысить качество отечественного образования.

Эффективность – термин из области управления, причем практически единственный, трактовка которого не вызывает сомнений у многочисленных групп исследователей проблем менеджмента. Он был введен в употребление в 1908 году Х. Эмерсоном, который с использованием примера «естественного насоса» определил эффектив-

ность как достижение максимального результата при минимальных затратах [2], и эта трактовка учеными не оспаривалась. Между тем анализ показателей мониторинга эффективности вузов показывает, что уровень затрат на функционирование и развитие образовательного учреждения этот инструмент не рассматривает. Таким образом, эффективность в классическом понимании этот рейтинг измерить не может. Вероятно, под эффективностью Минобрнауки подразумевает результативность, то есть уровень достигнутого результата, не принимающий во внимание понесенные затраты. Это уточнение кажется нам важным, так как оно позволяет избежать подмены тезиса, широко распространенной при анализе результатов рейтинга в СМИ и основанной на использовании некорректного названия. Однако и при рассмотрении мониторинга как инструмента измерения результативности возникает целый ряд вопросов.

¹ Бурматов В. Минобрнауки снова занялось «эффективностью». URL: <http://vz.ru/opinions/2015/2/20/730690.html> (20.02.2015).

Логично предположить, что результатом деятельности вуза являются подготовленные к рабочей деятельности студенты. Однако такая категория в нормативном поле современной России отсутствует, поскольку вступивший в силу закон «Об образовании в Российской Федерации» ликвидировал понятие «студент», оставив только понятие «обучающийся»: обучающийся получает образовательные услуги. Значит, мониторинг рассматривает результативность вузов с точки зрения оценки качества этих образовательных услуг?

При введении мониторинга эффективности вузов заявлялось, что его результаты позволят оценивать как раз качество образования. С позиций здравого смысла о качественном образовании свидетельствует уровень востребованности выпускников, и уже есть предложения учесть этот критерий при проведении мониторинга. Но востребованность – это качественная характеристика, которая плохо поддается количественному измерению, поэтому органы управления образованием заменили его критерием трудоустройства выпускников, которое можно измерить по отчислениям в Пенсионный фонд (это не одно и то же, но, как было отмечено выше, точность формулировок не является сильной стороной мониторинга). «По логике этого критерия, чем больше выпускников учебного заведения трудоустроены, тем более оно эффективно». В то же время, как справедливо отмечает петербургский депутат А. Кобринский, «в категорию “нетрудоустроенных выпускников” попадают продолжающие обучение в магистратуре и аспирантуре, поступившие в другой вуз, уехавшие за границу на стажировку или по исследовательскому гранту, женщины, ушедшие в декретный отпуск, инвалиды групп без права работы, призванные на военную службу и т.д.»².

Кроме того, от 30 до 50% выпускников мужского пола сразу после выпуска идут служить в армию – этот шаг является необходимостью, так как уже на этапе собеседования работодатели отказывают выпускникам, подлежащим призыву. Ситуация аналогична ранее сложившейся практике в отношении выпускника, планирующих рождение ребенка. Вероятность устроиться на работу в этом случае близка к нулю, поэтому для получения пособия по беременности и родам выпускницы сразу встают на учет в центр занятости. После родов трудоустроиться также проблематично, так как абсолютное большинство дошкольных учреждений не принимают детей до трех лет. Как следует из логики «критерия трудоустройства», адекватное этим вызовам поведение выпускников основано не на сложившейся на рынке труда практике, а является исключительно результатом их невостребованности.

А. Кобринский также отмечает: «Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что большое количество граждан РФ работают, не оформляя трудовые отношения. Такая ситуация идёт вразрез с действующим законодательством, однако ответственность здесь лежит, как правило, на работодателе». По оценкам, почти 15 миллионов россиян, или почти 20% трудоспособного населения, заняты в теневом секторе экономики³. Эти люди не распределены по территории России равномерно: теневая занятость в депрессивных муниципальных образованиях даже в успешных регионах существенно выше, но этот объективный фактор не будет учтен в показателе трудоустройства при анализе данных Пенсионного фонда. Важно отметить, что Росстат переходит к учету заработной платы в теневом секторе при расчете средней заработной платы, но Министерство обра-

² Петербургский депутат просит министра разъяснить критерии оценки вузов. URL: <http://www.regnum.ru/news/society/1914768.html#ixzz3Y2fZFxAy> (13.04.2015).

³ Теневой сектор экономики вырос на 3 миллиона человек. URL: <http://top.rbc.ru/economics/26/02/2015/54ef19049a7947453eeb6428> (27.29.2015).

зования и науки предполагает продолжать использовать собственные методики, несмотря на наличие несоответствий с подходом ключевого отечественного статистического ведомства.

Может быть, остальные критерии мониторинга характеризуют качество образования? Обратимся к критерию «доходы вуза из всех источников в расчете на одного научно-педагогического работника (НПР)», поскольку это действительно реальная цифра, по которой можно судить, сколько вуз зарабатывает. В настоящее время нормативное значение данного показателя – не фиксированная, а средняя цифра, выводимая из значений показателя всех вузов в регионе после того, как данные о них собраны. Уже отмечалось, что вузы, стараясь повысить свои показатели, стремятся увеличить свои доходы различными способами, что автоматически приводит к росту нормативного значения и дальнейшим попыткам увеличить доходы. Опыт мониторинга это подтвердил: доходы вузов на одного НПР кратно выросли за три года, хотя ранее экспоненциальная динамика доходов вузов не наблюдалась. Интересно отметить, что, например, нормативное значение этого показателя для Республики Татарстан в 2013 г. составляло 1372,65 тыс. руб., а в 2014 г. – 1566,11 тыс. руб., то есть производительность труда в высшем образовании должна расти на 14% в год – вдвое быстрее, чем по стране в целом.

Рассмотрим подробнее реальные способы увеличения доходов. Первый – это увеличение числа «обучающихся». Для ведущих и достаточно крупных вузов он уже на максимуме, поскольку в лицензии каждого вуза присутствует такое понятие, как «предельный контингент». Второй способ – гранты, которые, как правило, эти вузы и выигрывают. Их число ограничено, следовательно, ограничен и источник финансирования. Третий – это хоздоговора, которые надо

заключить и выполнить, причем партнерам из бизнес-сферы необходимы прикладные разработки, внедряя которые они могут получить прибыль. Выполнение всех этих работ ложится на преподавателя, и здесь присутствует интересный момент, который был отмечен в ряде исследований, посвященных текущей нагрузке преподавателей [3; 4]. Так, Северо-Восточный федеральный университет, объясняя планируемое сокращение НПР, отмечает: «К началу нового учебного года соотношение преподаватель/«обучающийся» должно составить 1:10, а в 2018 г. их количество будет доведено до 1:12. Здесь наш университет берет пример с вузов стран БРИКС и Европы, где эти цифры составляют 1:12 и 1:14»⁴.

В отличие от упомянутых стран БРИКС и Европы, где нагрузка преподавателя определяется как соотношение учебной и научной работы в различных пропорциях, ставка профессорско-преподавательского состава (ППС) в России рассчитывается только исходя из реализованной учебной нагрузки, предел которой установлен федеральным законодательством на уровне 900 часов. Учебная нагрузка, в свою очередь, определяется на основе норм активной нагрузки, включающей аудиторские занятия, прием зачетов и экзаменов и руководство различными видами работ (за исключением самостоятельной). Поскольку новые образовательные стандарты существенно ограничили аудиторскую нагрузку при параллельном сокращении норм времени на руководство работой студентов и итоговую аттестацию, нагрузка преподавателя по одной дисциплине даже при больших потоках редко превышает 150 часов. В результате один преподаватель ведет 6–7 разных предметов, параллельно выполняя обязанности лаборанта, поэтому говорить об обеспечении качества образования становится сложно. А дополнить преподавание семи дисциплин более-менее качественной научной работой,

⁴ Сотрудники главного вуза Якутии попадут под сокращение. URL: <http://www.regnum.ru/news/economy/1897097.html#ixzz3T1П6300> (19.02.2015).

вероятно, может удаваться только единицам. Это ставит под сомнение массовое привлечение в вузы грантовых и хоздоговорных денег и, как следствие, улучшение мониторингового показателя доходов и доходов от НИОКР на 1 НПР.

Отметим, что еще в 2007 г. правительством были выделены приоритетные специальности и направления, по которым данное соотношение должно было составлять 1:4, потом начался кризис 2008 г., и об этом уже не вспоминали. Во всех проектах ФГОС 3+, которые вступили в действие с 1 сентября 2014 г., были заложены конкретные соотношения по каждому направлению, но из всех утвержденных стандартов ФГОС 3+ эти значения удалили. Теперь правительство в ручном режиме будет устанавливать эти цифры для каждого вуза⁵ (критерии такого отбора не уточняются).

Оставшиеся критерии – это средний балл ЕГЭ абитуриентов, международная деятельность, заработная плата профессорско-преподавательского состава и дополнительный показатель, представляющий собой модифицированный уровень оспепенности ППС. Позволяют ли они определить качество образования и, соответственно, результативность государственных вложений в него? Средний балл ЕГЭ – это показатель, характеризующий качество школьного, а не вузовского образования. Разъясняя свою позицию по этому показателю, Минобрнауки уточняет, что в лучшие вузы идут абитуриенты с более высокими баллами ЕГЭ. Однако данное утверждение содержит в себе упрощение: средний балл ЕГЭ характеризует востребованность вуза, которая определяется не только репутацией вуза, но и как минимум демографическими и географическими особенностями региона. Например, средний балл ЕГЭ в Южном федеральном университете в 2014 г. составлял 71,0, а в Дальневосточном федеральном универси-

тете – 59,6. Означает ли это, что качество образования в ДВФУ на 11,4% хуже, чем в ЮФУ, или проблема состоит в географическом положении вуза и существенно меньшем количестве проживающих?

Анализируя другие показатели, можно констатировать, что они также ничего не говорят о качестве образования. Российские вузы предлагают достаточно мало программ на английском языке, вследствие чего доля иностранных студентов в основном формируется за счет знающих русский язык граждан стран СНГ и распределяемых самим же министерством студентов, поступающих в российские вузы из стран Азии, – и доля таких студентов очень низкая (в лучшем вузе страны, МГУ, – менее 6%). Средняя заработная плата – показатель, необходимый лишь для формирования отчетности о выполнении «майских указов», и достаточно много написано о том, что реальную картину оплаты труда в образовании он не отображает⁶. Более высокая оспепенность теоретически должна гарантировать более высокое качество образования, однако наличие степени предполагает глубину знаний в определенной предметной области, что не обеспечивает качество преподавания упомянутых выше семи предметов.

Поскольку мониторинг деятельности вузов, как следует из вышеизложенного, нуждается в совершенствовании, представляется логичным начать с четкого объяснения смысла применяемых критериев. Решение этой задачи требует ответа на вопрос, вынесенный в заголовок данной статьи, то есть в первую очередь необходимо определить, с какой целью проводится мониторинг. В настоящее время по его итогам принимаются управленческие решения, которые сложно считать направленными на развитие образования: это решения о закрытии или реорганизации вузов и филиалов,

⁵ Формула для вузов: правительство рассчитало соотношение студентов и педагогов. URL: http://www.edu.ru/index.php?page_id=5&topic_id=7&sid=33303 (30.03.2015).

⁶ Минобрнауки посчитало, сколько получают преподаватели вузов. URL: <http://scientific.ics.org.ru/minobrnauki/zarplaty-i-zaplaty> (27.09.2015).

о необходимости дополнительных проверок и т.п. Это порождает феномен, известный в теории управления как поведение, ориентированное на контроль [5], – а его результатом является перестраховка, попытка «подправить» показатели (в том числе посредством сокращения ППС, что дает возможность улучшить почти все мониторинговые показатели, но кратно повышает нагрузку рядовых сотрудников вузов), подготовить многостраничные документы, удовлетворяющие письменным требованиям и устным разъяснениям профильного министерства.

Так, с введением компетентного подхода в образовании содержание рабочих программ дисциплин коренным образом изменилось – в основном из-за размытости формулировки сути данного подхода. Объем их и так из года в год увеличивался в связи с рекомендациями Минобрнауки включить в состав рабочей программы самостоятельную работу студента, уточнить ее содержание, добавить вопросы по самостоятельной работе и т.д. Рабочая программа дисциплины ранее являлась основным документом для преподавателя и студента и обычно составляла 5–10 страниц, где описывалась тематика, содержание семинаров и лабораторных работ, содержались вопросы к экзамену и список рекомендованной литературы. Сейчас она включает перечень осваиваемых компетенций, разложенных на шесть педагогических составляющих, массу требований к преподавателю, «обучающемуся», критерии оценки, материальную базу и т.д. В результате получается перегруженный информацией документ объемом не менее 30 страниц. Вероятно, часть этих требований сформирована непосредственно самими вузами, но тогда такие требования являются как раз результатом «ориентированного на контроль поведения».

В то же время огромный потенциал, за-

ложенный в мониторинге в части выявления лучших практик, министерством не используется. Ни на одном из заседаний, посвященных результатам мониторинга, в том числе и в этом году⁷, не обсуждались выявленные положительные «аномалии»: гуманитарные вузы, имеющие большой объем грантовых и хоздоговорных работ, периферийные вузы и филиалы с активной международной деятельностью или высокой публикационной активностью. Напротив, анализ прошедшего в этом году заседания по мониторингу показал, что исследование состояния университетов и филиалов по-прежнему предполагает только выявление организаций, не выполняющих существующие требования. Судя по опубликованным результатам мониторинга, такие точки есть, но даже сама методика (отсекающая, например, для филиалов возможность загружать сведения о публикациях и цитировании, показатели по которым в отдельных случаях могут оказаться весьма достойными) не ориентирована на их выявление. Возвращаясь к вопросу об эффективности, именно эти «аномалии» интересны для корректировки стратегии развития образования, ведь они позволяют обнаружить практики достижения хороших результатов при небольших затратах.

Правительство и Президент РФ много раз говорили и еще будут говорить о повышении престижа преподавателя. Остается неясным, как повысить престиж профессии и образования в целом, если не использовать собираемую информацию для выявления и распространения накопленного положительного опыта. Если действовать в этом направлении, можно представить широкой аудитории информацию о методах повышения качества в массовом сегменте образования, а не только в элитарном. Заявленная цель стратегии развития образования – комплексное повышение его качества. Именно эту задачу необходимо выполнять вузам и

⁷ Подведены итоги мониторинга эффективности вузов 2015 года. URL: <http://минобрнауки.рф/новости/6923> (24.11.2015).

филиалам, а не ожидать, кого будет решено закрыть сегодня, а кого – завтра.

Литература

1. Прохоров С.Г., Свирина А.А. Международные рейтинги и «дорожная карта»: вопросы и перспективы // Высшее образование в России. 2013. № 5. С. 58–62; Прохоров С.Г., Свирина А.А. Мониторинг эффективности и перспективы малых городов РФ // Высшее образование в России. 2014. № 11. С. 121–125.
2. Emerson H. The New Gospel of Efficiency // Cambridge Tribune. 1908. Vol. XXXI. No. 36.
3. Красинская Л.Ф. Преподаватель высшей школы: каким ему быть // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 37–46.
4. Донских О.А. Дело о стандартах // Высшее образование в России. 2015. № 6. С. 36–43.
5. Blasé J. Some Negative Effects of Principal's Control Oriented and Protective Political Behavior // American Education Research Journal. 1990. Vol. 27. No. 4. P. 727–753.

Статья поступила в редакцию 30.11.15.

EFFICIENCY MONITORING: AN INSTRUMENT FOR REDUCTION OR AN ENGINE FOR GROWTH?

PROKHOROV Sergey G. – Cand. Sci. (Technical), Prof., Equipment Building Department, Kazan National Research Technical University, Kazan, Russia. E-mail: psgr@mail.ru

SVIRINA Anna A. – Dr. Sci. (Economics), Head of Economics and Management Department, Kazan National Research Technical University, Kazan, Russia. E-mail: anna_svirina@list.ru

CHEKHONADSKIKH Aleksey I. – Cand. Sci. (Technical), Head of Equipment Building Department, Kazan National Research Technical University, Kazan, Russia. E-mail: aleksey-che@mail.ru

Abstract. The paper analyzes indicators used in higher education institution monitoring from the point of view of estimation the goals of monitoring. It is suggested that monitoring results can be efficiently used to define higher education growth engines, and not only to estimate directions of educational institution reduction. The authors come to a conclusion that the monitoring procedure needs further improvement. First of all it is necessary to define the goals of monitoring and to explicate the meaning of the indices used.

Keywords: higher education quality, efficiency monitoring, effectiveness of university activities, university development

Cite as: Prokhorov, S.G., Svirina, A.A., Chekhonadskikh, A.I. (2016). [Efficiency Monitoring: An Instrument for Reduction or an Engine for Growth?] *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 1 (197), pp. 63–68. (In Russ., abstract in Eng.)

References

1. Prokhorov, S.G., Svirina, A.A. (2013). [International Rankings and “Roadmap”: Questions and Perspectives]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 5, pp. 58–62. (In Russ., abstract in Eng.); Prokhorov, S.G., Svirina, A.A. (2014). [Efficiency Monitoring and Perspectives of Small Cities in Russian Federation]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 11, pp. 121–125. (In Russ., abstract in Eng.)
2. Emerson, H. (1908). The New Gospel of Efficiency. *Cambridge Tribune*. Vol. XXXI, no. 36.
3. Krasinskaya, L.F. (2015). [Teacher of Higher School: What Will It Be?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 1, pp. 37–46. (In Russ., abstract in Eng.)
4. Donskikh, O.A. (2015). [Case on Educational Standards]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. No. 6, pp. 36–43. (In Russ., abstract in Eng.)
5. Blasé, J. (1990). Some Negative Effects of Principal's Control Oriented and Protective Political Behavior. *American Education Research Journal*. Vol. 27, no. 4, pp. 727–753.

The paper was submitted 20.11.15.